

— Эдуард Яковлевич, ваша профессия — одна из самых незаметных в кино. Обычно зритель хорошо знает актеров, похуже — режиссера, а уж сценарист вовсе остается в тени. А между тем замысел фильма рождает именно он. Кстати, сколько сценариев на вашем счету?

— Пятьдесят два или пятьдесят три, а уже немного сблизился со счетом.

— Но, насколько я знаю, не все проходили легко. Многие запрещались идеологической цензурой, отправлялись на «полю». Сколько было таких фильмов?

— К 1986 году у меня лежало шесть картин. Надо сказать, это были лучшие ленты — у партийных цензоров было довольно точный вкус. Это «Проверка на дорогах» и «Мой друг Иван Лапшин» Алексея Германа, «Вторая попытка Виктора Крохина» Игоря Шешукова, «Горизонты» казахского режиссера Ашимова, «Дорога домой» Сурина, был еще такой фильм «Риск»... Много. Я, наверное, тут рекордсмен среди сценаристов.

— Теперь эти фильмы известны. Но я, например, никак не могу понять даже идиотской логики тех, кто их запрещал. За что? Ну, ладно, «Проверка...» Там, допустим, можно усмотреть крамолу в том, что военнопленный, предатель, с их точки зрения, показан как человек порядочный...

— Конечно. У нас же военнопленные до сих пор не реабилитированы! Меня поразило, как проходил парад победы в Лондоне. На площадь Трафальгар-сквера были брошены фашистские знамена, и первыми на них ступили вдовы погибших, а за ними — бывшие военнопленные! И уж потом — бравые гвардейцы. Вот вам — тоже империя, причем тогда еще — колониальная. А у нас — знамена бросали под ноги батьке усатому. Вот вам отношение двух держав к своим пострадавшим согражданам, вот вам разница! И это отношение осталось. Потому и картину приняли в штыки.

— Но вы, когда писали сценарий, предвидели такое отношение?

— Нет. Не совсем... Посылом к фильму было то, что мы увидели в Германии при просмотре ранее закрытой хроники. Меня потрясло количество наших пленных. Какие там колонны — реки! Причем почти без охраны — едет немец на лошади, через триста метров — еще один. И все! К сентябрю 41-го регулярной Красной Армии фактически не существовало, она была или уничтожена, или пленена. Это чудо, что мы не проиграли войну тогда! Через трагедию плена прошли миллионы. Это мы и хотели показать — трагедию пленяги...

— Значит, руководящая реакция на фильм была для вас неожиданностью?

— Ну, ярость, с какой он был принят, точнее — не принят, в какой-то степени — да. Потому что на первых показах была совсем другая реакция. Знаменитый партизан, дважды Герой Советского Союза Сабуров плакал, обнимал нас с Германом: спасибо, ребята, дожил, наконец-то увидел правду про войну, про партизан. Тем неожиданнее была ярость начальства. Еще и Суслову показали.

— Интересно, как реагировал «серый кардинал»?

— Знаете, эти люди смотрели готовые, знали, зачем им показывают. На просмотре были Демичев, Ермаш, писатели — Сергей Смирнов, противник картины, и Константин Симонов, яростный ее сторонник. Но никто из них рта не раскрывал. Суслов посмотрел и сказал: «Так... Все понятно... Меня интересует одно — партийная организация на «Ленфильме» есть или нету?» Ермаш дрожащим голосом стал говорить — может быть, тут убрать, тут подрезать, что-то переозвучить, на что Суслов

ответил: ничего делать не надо, это все антисоветчина, выбросьте все к ядерной матери и забудьте про это. И ушел. И это было счастье — картину не стали хромировать, уродовать, просто грохнули в подвал, где она и лежала, всеми забытая, в своем первоначальном виде. Одну копию Герман тайком вывез со студии домой, спрятал под кровать — до лучших времен, которые, слава богу, наступили... Правда, за это время мы успели постареть и полысеть.

— А что же их не устраивало в «Лапшине»?

— Там — другая ситуация. Там их взбесила не столько идеология, сколько эстетика: зачем эта грязь, гадость, зачем показывать, что люди живут, как скоты? Что это за начальник угро, какой-то разгильдяй? Одна сцена, правда, их взбесила. Если вспомнить, там день рождения, и Лапшин — спрашивает начальника: «Ты слышал, Парнова арестовали?» — «Да», — отвечает тот. «А что случилось?» — «Да враг народа». — «Кто, Парнов?» — «Так сказали...» — «Да брось! Меня арестуют — скажут враг народа. И поверишь?» — «Скажут — поверю...» Такой был дикий ор! Пришлось убрать. Но в основ-

на Урале совсем не такое, как в официальной истории. Их до сих пор уважают. С большим достоинством были люди, ни перед кем шапки не ломали. Чего стоит один эпизод с деньгами — Никита ведь монеты стал чеканить. Петр его призвал, спрашивает: «Говорят, ты фальшивые деньги чеканишь?» — «Да», — говорит, — фальшивые? И много серебра там не хватало? — «Серебра-то как раз хватало, хватало», — говорит царь. «Тогда какие же они фальшивые?» Они же из чистого серебра делались! Могучие были люди. Сценарий о них писать было... не то, что легко, но было большое желание работать.

— Когда вы обдумываете сценарий, пишете его, у вас, конечно, есть уже какой-то образ будущей картины. Как часто он сходится с тем, что вы видите потом на экране?

— Редко... Редко... Избитая фраза: кино — искусство коллективное. Я часто не понимаю: говоришь с режиссером — все он понимает, со всем согласен... Но уже выбор актеров все мгновенно меняет. И потом — возможность самого режиссера. Иногда мне кажется, что эта профессия абсолютно не связана с языком. Человек может тебе намоло-

на Урале совсем не такое, как в официальной истории. Их до сих пор уважают. С большим достоинством были люди, ни перед кем шапки не ломали. Чего стоит один эпизод с деньгами — Никита ведь монеты стал чеканить. Петр его призвал, спрашивает: «Говорят, ты фальшивые деньги чеканишь?» — «Да», — говорит, — фальшивые? И много серебра там не хватало? — «Серебра-то как раз хватало, хватало», — говорит царь. «Тогда какие же они фальшивые?» Они же из чистого серебра делались! Могучие были люди. Сценарий о них писать было... не то, что легко, но было большое желание работать.

— Когда вы обдумываете сценарий, пишете его, у вас, конечно, есть уже какой-то образ будущей картины. Как часто он сходится с тем, что вы видите потом на экране?

— Редко... Редко... Избитая фраза: кино — искусство коллективное. Я часто не понимаю: говоришь с режиссером — все он понимает, со всем согласен... Но уже выбор актеров все мгновенно меняет. И потом — возможность самого режиссера. Иногда мне кажется, что эта профессия абсолютно не связана с языком. Человек может тебе намоло-

и Баку. Нет денег! Независимости — сколько хочешь, а вот денег нет. Большого союзного кармана не стало, свой пуст. На грани закрытия «Грузияфильм» — уходит замечательное грузинское кино. «Ленфильм» существует на услугах, которые оказывает иностранным съемочным группам. «Мосфильм» значительно сократил производство — вместо 45 снимает около десятка фильмов в год. Да это еще бы ладно... Хорошего кино почти никто не снимает.

Положение очень тяжелое. Деньги, которые выделяет Госкино, — мизер. Но если раньше самый дешевый фильм стоил 400 тысяч, то сейчас — минимум 12 миллионов. Минимум! А с удорожанием горючки эта цифра подлетит миллионов до двадцати. Кто даст столько? Банк, конечно, может дать ссуду — под громкое имя, под добротный сценарий, но — под сорок процентов годовых! И эти проценты, видимо, подскочат до пятидесяти. Сколько же будет стоить билет в кино? Кто будет ходить? Поэтому, я думаю, будет еще хуже...

— Не парадокс ли? Мы говорим — застой, идеологическая цензура... А кино снимали, фильмы были, да какие!

который раньше где-нибудь в группе кофры таскал, он умеет — достал 15 миллионов и лудит кино. Качество ужасающее, удручающее! Я недавно смотрел такое кино с американистом. Такую нелюбовскую чувствовал... Спрашиваю: «Вас это шокирует?» Отвечает: «Да нет, знаете, не шокирует, просто... Смотришь хорошее эротическое кино, испытываешь... ну, зависть, что ли, к человеку, которого видишь в постели с хорошей женщиной. А у вас... такое ощущение, что русские трахаются в самых неподходящих для этого местах — на лестничных клетках, на помойках, в грязи, в дерьме...» Каждый такой «лудильщик» думает, что чем извращеннее, тем это больше кино. Да нет, голубчики, никакое это не кино!

— Но можно ли в таких условиях вообще делать кино? Вы, например, что-нибудь делаете?

— Можно. Только если в этом заинтересованы серьезные фирмы. Лучше — иностранные. Которые делают настоящую работу, а не жареху. Я связан сейчас с двумя американскими фирмами, одна — голливудская, другую основал наш бывший соотечественник. С режиссером Леонидом Марягиным готовимся к съемкам фильма «Лев Троцкий». Это будет картина о двух последних месяцах жизни этого человека с ретроспективой в прошлое.

— Это будет серьезное кино!

— Ну, я надеюсь. Во всяком случае, материал позволяет. Фигура-то была пострашнее, чем батька усатый. Поумнее. Способнее. Но жестокости невероятной! Такой же, впрочем, как они все. Дело не в личной жестокости. Видимо, в идее. Тогда давай присмотримся к ней! А то может случиться так, что идея, шагая через трупы уничтоженного человечества, доложит ухмыляющемуся Сатане, что во имя счастья человечества она погубила человечество! Это вещь страшная — бредовая идея, овладевшая недоучившимися людьми. Они ведь все недоучки! Ильич — недоучившийся юрист, Джугашвили — вышибленный семинарист, Троцкий — незавершивший образование журналист. В общем, все это люди малоработные. И вот когда такими людьми овладела утопическая идея — страшнее этого ничего быть не может. К тому же люди это были целеустремленные, натуры сильные и яростные. Одержимые, не знающие жалости. Чего стоит расстрел офицеров в Крыму! Больше сорока тысяч белых не смогли сесть на пароходы, ушли в горы. Фрунзе заверил: сдавайте оружие, дайте слово, что не будете выступать против Советов, и ступайте по домам. Пришли 43 тысячи. Троцкий приказал: «Немедленно расстрелять всех!» Фрунзе возмутился: «Но ведь я дал честное слово!» — «Кому ты дал честное слово? Кому-у?! Расстрелять всех!» — «Как? 43 тысячи русских людей?» Троцкий: «Нет русских людей! Нет еврейских людей! Нет немецких людей! Есть буржуи и пролетариат!» И расстреляли. Пулеметы работали четыре дня, не переставая. Вот такой был человек... Потому, когда мне говорят: вот, был бы Троцкий, а не Сталин... Да боже мой, еще страшнее бы было!

Вот, в двух словах, такая будет картина. Где-то об этом... Сейчас кончается подготовительный период. Идут переговоры с актерами. На роль Троцкого собираются пригласить Дастина Хофмана. Но на это, сами понимаете, я не очень влияю.

— Спасибо, Эдуард Яковлевич. Надеюсь, что мы дождемся до лучших времен и увидим еще не одну ленту, снятую по вашему сценарию.

— Я тоже надеюсь.

Беседовал Арнольд ХАРИТОНОВ.

Кинодраматург Эдуард ВОЛОДАРСКИЙ:

«У ПАРТИЙНЫХ ЦЕНЗОРОВ БЫЛ ТОЧНЫЙ ВКУС»

ном не устроил быт. Анекдот! Вот, говорят, Герман, у вас там трамвай по рельсам идет, так даже рельсы кривые! Вы что, специально искали такие горбатые? Чтобы показать — вот как плохо живет народ, даже трамвай по кривым рельсам ходит. Ну, просто сумасшедший дом! За картину боролись, и довольно долго — поддержка у Германа была, и не слабая, но кончилось тем же — фильм зафигачили на полку, где он лежал больше шести лет.

— И все же — пять десятков фильмов. В тех страшных условиях. Неужели каждый — с таким трудом!

— Нет, почему? Вот, к примеру, картина «Демидовы», я ее очень люблю... Она была принята как-то даже лихо. Павленок, зам Ермаша, хлопал меня по плечу — видишь, как хорошо, какая замечательная картина, а то дерьмо пишешь, еще больше дерьмо снимаете — ну, зачем тебе это? Редкий случай, когда картина устроила всех, и нас, и их. Для меня же она была... Когда начал по документам знакомиться с этими людьми, с Демидовыми, у меня волосы встали дыбом — до чего же наша история извращена и изогнана! Эти двое, отец и сын, которых изображали эксплуататорами, мироедами, поставили на Урале 51 завод! Причем каждый из них прожил чуть больше пятидесяти лет. Это сила, мощь! Как стартеры, они не ставили кабаков, чтобы люди не пили, больше заработка приносили домой. Цехи, которые они построили, стоят до сих пор. А мы кричим, что русские никогда не умели работать. Ни хрена подобного! Еще как умели! Отучили просто.

Отношение к Демидовым

тить столько, и все красиво, складно! А на экран смотришь — хватаешься за голову: полная беспомощность, оказывается, он просто не понимает, про что сценарий! Так бывает, к сожалению, не редко. Видно, в этой профессии есть какая-то тайна... Иногда смотришь — вроде бы ничего не происходит, а у тебя спина мокрая от напряжения. А иной раз — там и выстрелы, и погони, и бог знает что еще — а тебе на это наплевать, неинтересно.

— Но, наверное, есть режиссеры, с которыми вам работается хорошо, все сходится, как в удачном пасьянсе!

— Конечно, были и есть. Прежде всего — Алексей Герман, про наши картины мы говорили достаточно. Никита Михалков — в фильме «Свой среди чужих» мы нашли полное взаимопонимание. Хорошо работало с Шешуковым на «Второй попытке». С Александром Суриным — на фильмах «Дорога домой» и «Антрацит». Была такая режиссер Анда Манасарова, ныне покойная, с ней мы делали ленту «Огнянись», очень она легла мне на душу, показалось, что сделали все, как замыслилось. Дело довольно редкое... Обидно, если сценарий дает возможность копнуть на метр в глубину, а режиссер чуть прошелся граблями по поверхности — и все...

— И вот такой вопрос, Эдуард Яковлевич, — все-таки мы будем снимать кино или больше уже нет!

— Я думаю, что в ближайшие два-три года положение будет ухудшаться. О бывших союзных республиках я не говорю — там крах полный. В Прибалтике все три студии закрыты, так же, как в Душанбе

— Я как-то читал статью Генриха Белля о «Круге первом» Солженицына. Запомнились строки, очень, по-моему, точные. Он размышляет о том, почему западноевропейская литература такая бесполовая, безмужская, в общем, довольно серая, в то время как там, то есть у нас, возникают такие огненные вулканы. Все дело, видимо, в том, что когда крышка котла завинчена намертво, то струи пара, которые оттуда каким-то чудом вырываются, прожигают тебя насквозь. А у нас крышка была завинчена туго и давно, не с 17 года, а еще со времен Достоевского... В этом же феномен советского кинематографа. Это не значит, что снимались только хорошие фильмы, дерьма тоже было достаточно. Но были Тарковский, и фильмы Рязанова, и ленты Германа; работала Кира Муратовая и Динара Асанова, снимал Георгий Данелия... Но все-таки все это создавалось на противостоянии режиму. Была такая оценка: если начальству не понравилось — значит хорошее кино, если оно в ярости — прекрасное, старик, ты молодец!

— Зато сейчас — все можно...

— Но нет идей! Большинство просто не знает, про что снимать. Надо быть семи пядей во лбу, чтобы разобратся в том, что происходит. У Герцена есть такие строчки: нужно время, чтобы разрозненные, бегущие мысли отстоялись в прозрачную думу. Все-таки, видимо, нужно время... Потому настоящие художники молчат. А кино снимает, кто шустрее. Кто деньги достал. Как правило, талантливые люди денег доставать не умеют, это совсем другой талант. А какой-нибудь проходимец,